

цип учета их структурных свойств. Эта классификация «подсказывает» и новые подходы к классификации СП на формальных основаниях. Но особенно ценно то, что характеристика выделяемых «скреп» сопровождается указаниями на теоретические вопросы, осмысление которых составляет необходимое условие описания того или иного класса «скреп», и перечнями тем эмпирических разысканий (см., например, с 91, 108, 135—137, 146). Здесь наиболее полно и ярко проявляется позиция авторов, характеризующая книгу в целом: авторы видят в читателях потенциальных продолжателей своих исследовательских усилий и спешат поделиться с ними всем, что им удалось наблюдать, в том числе и тем, что пока осмыслено только как задача, вопрос, на который еще нет ответа. Симптоматичны рассыпанные на страницах книги прямые обращения к «молодым лингвистам», студентам и аспирантам.

Жаль, что книга, адресованная такому широкому читателю, издана малым тиражом (1900 экз.). В интересах науки (и, может быть, прежде всего вузовской) было бы переиздание книги существенно большим тиражом.

При переиздании целесообразно устранить неоригинально включенные в текст сведения из истории русского СП и необходимые констатации мнений разных лингвистов по тем или иным вопросам, не обсуждаемых в книге, таких, которые не оспровергаются и не поддерживаются

авторами, а лишь приводятся как иллюстрация авторской объективности и осведомленности. В такой живо и энергично написанной книге они совершенно неуместны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Распопов И. П.* Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973. С. 162—187.
2. *Шешукова Л. В.* О порядке частей сложноподчиненных предложений. Одноточленные конструкции (На материале современного русского литературного языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
3. *Елфимова Т. В.* О порядке частей причинных и условных сложноподчиненных предложений: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
4. *Колосова Т. А.* Русские сложные предложения асимметричной структуры. Воронеж, 1980.
5. *Крамских С. В.* Смысловая организация местоименно-соотносительных (отожествительных) предложений в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
6. *Ширяев Е. Н.* Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.
7. *Чернышева А. Ю.* Союзные частицы *то, так и тогда* в сложном предложении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1986.

Белюшанкова В. А.

Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М.: Наука, 1986. 223 с.

Успехи синтаксической науки последних десятилетий, общее развитие лингвистической теории позволяют по-новому взглянуть на объекты, которые, казалось бы, получили в языкознании уже достаточно полное освещение. К таким объектам относятся и бессоюзное сложное предложение. Теоретическое осмысление трудов предшественников и многолетний опыт исследователя-синтаксиста позволили Е. Н. Ширяеву решить проблему бессоюзного сложного предложения в новом ракурсе. Новизна состоит не только в интересной и непротиворечивой концепции бессоюзного сложного предложения, но и в том, что объектом исследования стал материал живой разговорной речи.

Книга состоит из Введения, пяти глав и Заключения. Важным для понимания

авторской концепции бессоюзного сложного предложения является Введение (с. 3—29), где излагаются исходные теоретические посылки исследования. Обосновав свое понимание сложного предложения как такой синтаксической единицы, в основе которой «...лежит синтаксическая форма связи предикативных конструкций, соединенная с коммуникативно-синтаксической формой, дающей отдельное высказывание — предложение» (с. 14), автор строит свою оригинальную концепцию бессоюзного сложного предложения. Она базируется на ряде кардинальных положений: определении синтаксической формы бессоюзного сложного предложения, определении места синтаксической формы бессоюзного предложения в системе других синтаксических форм, определении того, на каком

лексико-семантическом материале «работает» синтаксическая форма бессоюзного сложного предложения.

Под грамматической формой Е. Н. Ширяев понимает грамматическую семантику (план содержания) в единстве с грамматическими средствами выражения (план выражения). При этом анализ грамматической формы бессоюзного сложного предложения предполагает установление ее парадигматических и синтагматических связей, обобщение грамматических форм, в частности уяснение того, какие синтаксические значения могут быть обобщены в те или иные категории. Автор настаивает на последовательном разграничении семантики двух принципиально разных свойств — синтаксической, представляющей собой план содержания синтаксических форм, и несинтаксической, опирающейся на лексико-семантическое содержание частей, и в результате приходит к выводу, что «лексико-семантическая структура предложения регулируется синтаксической формой предложения» (с. 7).

Бесспорным представляется и мнение автора, что для понимания синтаксической структуры любого сложного предложения (а бессоюзного в особенности) важное значение имеет разграничение модуса и диктума (отождествляемого автором с пропозицией), эксплицитного и имплицитного смыслов в семантике предложения. Характеристика семантической структуры бессоюзного сложного предложения ставится в зависимость и от того, какой логико-грамматический тип в данном предложении представлен (предложения номинации, тождества, бытийные, характеризации).

Для разъяснения своей концепции бессоюзного сложного предложения Е. Н. Ширяев счел необходимым обсудить вопрос о сочинении/подчинении в сложном предложении. Проанализировав пути решения этой проблемы в трудах предшественников, автор приходит к выводу, что до сих пор «...теоретически безупречных основ дифференциации сочинительных/подчинительных союзов и, соответственно, сочинительных/подчинительных связей нет» (с. 17—18), и предлагает свою методику их разграничения.

Особое внимание обращено в связи с этим на усложненные (многопредикативные) предложения с однородным соподчинением придаточных, где встречаются одновременно и сочинительные, и подчинительные союзы, т. е. на конструкции типа *Ей показалось, что что-то открывается в ней и что она умирает*. Сопоставив позицию сочинительного союза (*и*) и позицию союза подчинительного (*у*), Е. Н. Ширяев приходит к выводу, что в рассматриваемых построениях позиции *и* и *у* противопоставлены в том смысле,

что все союзы, употребляющиеся в позиции *и*, не могут быть употреблены в позиции *у*, и наоборот. При этом учитывается не только реальное соподчинение придаточных, но и потенциальная способность предложения к разворачиванию. Скажем, союз *но* в конструкции *Светит солнце, но все-таки холодно* признается сочинительным прежде всего потому, что на ее основе можно построить такую, например, как *Он сказал, что светит солнце, но что все-таки холодно*. Различение позиций сочинительных/подчинительных союзов привело исследователя к выводу, что «сочинительные союзы связывают словоформы, соответственно предикативные конструкции, находящиеся в одинаковых отношениях к другим словоформам, соответственно предикативным конструкциям, а подчинительные союзы связывают такие синтаксические компоненты, которые по отношению друг к другу и, следовательно, по отношению к другим компонентам данной конструкции находятся не в одинаковых отношениях» (с. 19—20). Не останавливаясь на более подробном анализе методики разграничения сочинительных/подчинительных союзов, отмечу, что методика эта отнюдь не универсальна и, как отмечает сам автор монографии, применима лишь «...в области простых (*а, если* и *под.*) и сложных (*потому что* и *под.*) союзов, составляющих ядро этой служебной части речи» (с. 18). Так, представляется спорным исключение из корпуса противительных союзов связующих средств *однако* и *зато* по той причине, что они не могут занимать позицию *и*, т. е. не имеют *и*-функции. В результате предложения со словами *однако, зато* и подобными признаются в монографии «бессоюзными сложными предложениями особой группы — такими, в которых смысловые отношения между предикативными конструкциями эксплицируются специальными словами» (с. 22). Однако природа и объем этих «специальных слов» в монографии не обсуждаются. На наш взгляд, автором слишком узко трактуется понятие «союз», в результате чего в разряд бессоюзных сложных предложений включается большое число построений с так называемыми аналогами союзов. Понимая, что лексемы типа *потому, следовательно, однако* и многие другие «специальные слова» играют определяющую роль в выражении отношений между событиями, названными в объединяемых предикативных единицах сложного предложения, Е. Н. Ширяев, однако, не включает эти лексемы в состав союзных средств, а все построение трактует как бессоюзное сложное предложение особого типа. В таком случае неясно, почему в монографии эти бессоюзные сложные предложения не

стали объектом описания и автор не определял их место в системе сложного предложения современного русского языка. Не совсем логичным представляется рассмотрение предложения *Сдам экзамены/ все равно не поеду отдыхать* (с. 56) как «обычного» бессоюзного предложения с уступительными отношениями между частями, т. к. здесь имеется служебный компонент *все равно*, явно выступающий как сигнал уступительности. Думается, что увлекшись идеей найти четкие критерии разграничения сочинительных и подчинительных союзов, Е. Н. Ширяев игнорирует тот, как нам кажется, бесспорный факт, что в современном русском языке, особенно в разговорной речи, имеется значительный пласт связующих средств (аналитических показателей связи), которые по линии сочинение/подчинение не противопоставляются.

Вторая глава монографии посвящена ответу на вопрос, существует ли бессоюзное сложное предложение как особая синтаксическая форма. В ней убедительно доказывается, что интонационные средства выражать и дифференцировать смысловые отношения между предикативными конструкциями не могут. Смысловые отношения базируются не на интонации, а на лексико-семантическом содержании составляющих предикативных единиц с опорой в некоторых случаях на повседневный опыт говорящих. Что же касается интонации, то она служит лишь сигналом, требующим извлечь смысловые отношения из лексико-семантического содержания предикативных компонентов.

К несомненным достоинствам рецензируемого труда, отличающим его от предшествующих исследований бессоюзного сложного предложения, следует отнести обращение к системе семи типов интонационных конструкций (ИК), выделенных Е. А. Брызгуновой [1], и вывод, что основную роль в оформлении бессоюзного сложного предложения выполняют ИК-3 и ИК-4. Принципиально важным является и вывод, что бессоюзное сложное предложение имеет свою синтаксическую форму и что в этой форме осуществляется активизация смысловых отношений, заложенных в лексико-семантическом содержании предикативных конструкций. Синтаксическим средством этой активизации является, по мнению автора, сигнал семантико-синтаксической незавершенности.

Особенно ценно для теории бессоюзного предложения выявление интонационно одноконструктивных единиц, т. е. таких построений, в которых две предикативные конструкции оформлены как одна ИК. Причем отсутствие интонационного членения в них значимо и рассматривается автором как показатель смысловых отно-

шений. Широко представлены бессоюзные предложения с интонационно одноконструктивной связью в разговорной речи. Интонационная незавершенность последней предикативной конструкции бессоюзного сложного предложения не является единственным сигналом активизации смысловых отношений между предикативными конструкциями. Автором названы и неформальные способы такой активизации. К ним отнесены, в частности, связи, базирующиеся на семантической валентности глагола, наличие в первой предикативной единице синсемантических слов. Отмечено также, что обе предикативные конструкции могут иметь интонацию завершенности, если просто по смыслу связь между ними в данном контексте может быть только активизированной (*Не хочу говорить с вами: вы грубы*). В результате Е. Н. Ширяев приходит к важному теоретическому выводу, что интонационная незавершенность последней предикативной конструкции как сигнал активизации смысловых отношений между предикативными конструкциями в определенных семантических условиях перестает быть обязательной. В главе имеются тонкие наблюдения и интерпретации роли интонации, фразового ударения, знаков препинания в бессоюзных сложных предложениях, позволяющие автору не согласиться с пессимистическим выводом И. Н. Крुчинной [2] о невозможности провести границу между текстом и бессоюзным сложным предложением.

Бесспорный интерес представляют и наблюдения автора, приведшие его к выводу, что синтаксические формы союзного и бессоюзного типов сложного предложения во многом определяются действием двух общеязыковых антиномий: говорящий/слушающий и код/текст.

Третья глава монографии посвящена анализу семантической структуры бессоюзных сложных предложений. Принципиально важным для понимания смысловых отношений в бессоюзном сложном предложении признается различие отношений дифференцированных и недифференцированных. Дифференцированными названы такие смысловые отношения между предикативными конструкциями, которым в принятом автором метаязыке соответствует одна единица, один термин (например, отношения причины, уступки, разделительные и т. д., всего 24 типа), недифференцированными — характеристика которых требует двух и более компонентов метаязыка. Так, например, в предложении *Подул ветер — стало холодно* автор видит имплицитно заложенные причинно-следственно-временные отношения. Недифференцированное значение определя-

ется как сплав из нескольких компонентов, хотя роли их не всегда равноправны. Экспериментальным путем (в результате опроса психомантов) устанавливается, например, что когда в недифференцированное значение входит условный компонент, он всегда осознается как ведущий.

Предложения с дифференцированными отношениями объединены в три основных логико-семантических класса. Первый составляют бессоюзные сложные предложения с пропозиционными отношениями. Второй класс объединяет бессоюзные сложные предложения с раздельным выражением модуса и пропозиции, ядро которых составляют построения с изъяснительными отношениями типа *Я чувствую/она придет*. Наконец, третий класс — это предложения со свернутыми отношениями тождества, т. е. такие, из которых «...можно извлечь предложения тождества» (с. 82). К ним отнесены бессоюзные сложные предложения с определительными, объяснительными отношениями, а также отношениями времени и места. Правда, остается неясным, почему «развертывание» демонстрируется на примере союзного, а не бессоюзного предложения: *Он пришел, когда все ушли* → *То время, когда он пришел, было тем временем, когда все ушли*. Возникает вопрос: а можно ли отнести бессоюзную конструкцию *Он пришел* → *все ушли* к такой, где наблюдаются дифференцированные отношения? Если пользоваться терминологией Е. Н. Ширяева, здесь имплицитно заложены и противительные отношения, и отношения времени, и отношения причины, а может быть (в определенном контексте), и уступительные.

Бесспорный интерес представляет мысль автора о необходимости различать в бессоюзном сложном предложении непосредственные (прямые) отношения и отношения, опосредованные неким невербализованным смыслом. Для описания способов и характера опосредования Е. Н. Ширяев обращается к понятию апперцепционной базы (термин Л. П. Якубинского [3]), трактуемому как «...фонд общих знаний партнеров коммуникации» (с. 98), а также к анализу слов с общим компонентом значения, а именно слов с лексико-семантическим согласованием и слов с категориально-семантическим согласованием. В результате Е. Н. Ширяев намечает несколько типов опосредования в бессоюзном сложном предложении. При этом имплицитный смысл характеризуется не только с точки зрения принципов его обнаружения, но и в плане его принадлежности к модусу и пропозиции. Автор показывает, что чем сложнее и глубже опосредование, тем менее возможен в сложном предложении союз, и приходит к выводу, что опосредование

смысловых отношений в бессоюзных предложениях встречается гораздо чаще, чем в союзном типе.

Обсудив вопросы синтаксической формы и семантической структуры содержания, автор вновь обращается к проблеме сочинения и подчинения в их отношении к бессоюзной связи и подтверждает ранее высказанное предположение, что различие сочинения и подчинения в бессоюзном сложном предложении снято. Однако для выявления системных отношений союзного и бессоюзного сложных предложений автор определяет способность каждого из отношений, наблюдаемых в бессоюзном сложном предложении, к выражению в форме сочинения/подчинения. В результате делается вывод, что дифференцированные смысловые отношения делятся на такие, которые в союзном сложном предложении могут быть выражены (а) только с помощью сочинительных союзов; (б) только с помощью подчинительных союзов; (в) с помощью и сочинительных, и подчинительных союзов. В качестве примеров приводятся следующие фразы и их соответствия: (а) *Я работаю/он рядом играет* — *Я работаю, а он рядом играет*; (б) *Я утверждаю: это неверно в принципе* — *Я утверждаю, что это неверно в принципе*; (в) *Взошло солнце и можно отправляться в путь; ... так что можно отправляться в путь*. Думается, однако, что пример (а) противоречит выводу автора, что передача отношений между предикативными единицами здесь возможна лишь с помощью сочинительного союза. Ср. преобразование в сложноподчиненное предложение: *Когда я работаю, он рядом играет*. Очевидно, отношения в исходном бессоюзном предложении нельзя отнести к дифференцированным.

Четвертая глава монографии посвящена функционированию бессоюзного сложного предложения в разных языковых сферах: разговорной речи, языке художественной литературы и функциональных стилях (научном, деловом и публицистическом). Показано, что именно в РР система бессоюзного сложного предложения развита наиболее широко и последовательно, что сами условия осуществления коммуникативного акта благоприятствуют употреблению в нем бессоюзных сложных предложений.

Существенным и принципиально новым представляется вывод, что в интонационно одноконструктивных бессоюзных сложных предложениях в РР речи может выражаться широкий круг смысловых отношений: изъяснительные (*Он обещал на конференцию придет*), определительные (*Совсем у нас разваливается бочка под краном стоит*), причинные [*Плох совсем сегодня тает (о лыжах)*] и т. п.

При сопоставлении РР и КЛЯ Е. Н. Ширяев отмечает, что именно в РР широко представлены бессоюзные сложные предложения с недифференцированными значениями, что в ней особенно регулярны опосредованные смысловые отношения. Исключительно принадлежность РР считает автор особую связь свободного соединения, т. е. такую безынтонационную связь, при которой одна из предикативных конструкций (свободная) может занимать по отношению к основной предикативной конструкции разные позиции: *В магазин песку надо сходить пожаруиста*. Но несмотря на то, что «родна бессоюзного предложения — это РР» (с. 131), автор обнаруживает и такие типы бессоюзного сложного предложения, которые в КЛЯ оказываются развиты даже больше, чем в РР. К ним принадлежат бессоюзные сложные предложения с объяснительными отношениями, например: *Советское руководство настаивало на следующем: никаких сепаратных переговоров с Германией быть не должно*.

При анализе бессоюзных сложных предложений в языке художественной литературы Е. Н. Ширяев считает необходимым дифференцировать речь персонажей, авторское повествование и поэтические тексты. На материале художественных произведений описаны разнообразные способы имитации разговорной речи персонажей и показано, что «...речь персонажей — это та сфера КЛЯ, которая наиболее пронизана для РР вообще и в области бессоюзного предложения в частности» (с. 151). Лексическая наполняемость бессоюзных сложных предложений в авторском повествовании много шире, чем в речи персонажей. Имеются отличия и в соотношении разных смысловых типов бессоюзных сложных предложений, что подтверждается в книге богатым фактическим материалом. Особый раздел посвящен проблеме функционирования бессоюзных сложных предложений в поэтическом стихотворном языке, где «...интонация как синтаксическое средство формы бессоюзного предложения обладает более широкими, чем в РР, возможностями...» (с. 159). Интересен вывод автора, что поэтический язык, по природе своей исключая спонтанность, тем не менее сближается с РР и опирается на нее.

В результате анализа употребления бессоюзных предложений в РР и КЛЯ Е. Н. Ширяев делает заключение, что система бессоюзного сложного предложения РР широко и разнообразно представлена в языке художественной литературы, менее широкое отражение на-

ходит она в публицистике и только отдельные типы бессоюзного сложного предложения характерны для научного и делового стилей.

В пятой главе «Опыт описания некоторых типов бессоюзного сложного предложения» автор предлагает читателю заглянуть в свою исследовательскую лабораторию и показывает, как «работает» его концепция на эмпирическом материале.

В небольшом по объему, но очень емком по содержанию Заклчению сформулирован ряд проблем, перспективных для дальнейшего развития синтаксической теории.

Таким образом, теоретическую значимость рецензируемой книги трудно переоценить, но она выиграла бы, если бы автором были более четко определены границы между союзными и бессоюзными сложными предложениями. К сказанному можно добавить следующее. Фразу из Русской грамматики-80 *Загуляли соседи — загуляем и мы* Е. Н. Ширяев интерпретирует как бессоюзное сложное предложение, игнорируя наличие служебного слова *и*, которое явно выполняет здесь функцию союза, синонимичного слову *тоже*. Очевидно, верность традиции считать союзом лишь инициальное *и* не позволяет автору причислить конструкцию к союзным. Но можно ли рассматривать как бессоюзное построение с другой локализацией *и*: *Загуляли соседи — и мы загуляли?* Проблема отграничения корпуса союзов от других языковых средств, участвующих в выражении отношений между частями сложного предложения, тесно связана с дифференциацией союзных и бессоюзных предложений и заслуживает более глубокого обсуждения.

В целом книга стимулирует дальнейшее развитие синтаксической теории. Проблемы, поднятые в ней, бесспорно, вызовут интерес у широкого круга лингвистов. Выход монографии в свет — важное событие в развитии теоретического синтаксиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Т. 1. М., 1980. С. 96—122.
2. Кручинина И. Н. Бессоюзные соединения предложений // Русская грамматика Т. 2. М., 1980. С. 634—656.
3. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Русская речь. I. Пг., 1923.

Колосова Т. А.